

ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© 2022

Лисицына О.И.

Тверской государственный университет (г. Тверь, Российская Федерация)

Аннотация. Цель статьи – раскрыть гендерную специфику поведенческих норм российского дворянства конца XVIII – середины XIX в. Автор стоит на позициях подходов исторической антропологии, истории повседневности и гендерной истории. Выводы строятся на основе анализа источников личного происхождения и литературных текстов эпохи. В статье затрагивается проблема дискурсивных различий «мужского» и «женского» письма, однако основное внимание уделяется отличиям поведенческим. Делается вывод о ярко выраженных отличиях как в ценностных установках, так и в поведении мужчины и женщины. Это было связано с тем, что на женскую повседневность налагалось значительно больше запретов. Причем особенно жесткой регламентации подвергалось поведение незамужних представительниц дворянского сословия. В отличие от юношей, они находились под постоянным контролем и надзором со стороны семьи и всего дворянского общества в целом. Это было связано с категорией «чести», также имевшей существенную гендерную специфику. Если для мужчины под «честью» понимались его качества и заслуги, то для женщины «честь» подразумевала под собой «целомудрие», то есть способность воздерживаться от сексуальных контактов вне брака. Многочисленные табу ослабевают после замужества дворянки, однако внутренние установки и самоконтроль обуславливают устойчивость моделей их поведения.

Ключевые слова: гендер; честь; ментальность; женская история; эгодокументы; Российская империя; традиционный гендерный порядок; нормы; дворянство; ценностные установки; история сексуальности.

VALUE ATTITUDES OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE LATE 18TH – MIDDLE 19TH CENTURIES: GENDER ASPECT

© 2022

Lisitsyna O.I.

Tver State University (Tver, Russian Federation)

Abstract. The purpose of the paper is to reveal the gender specifics of the behavioral norms of the Russian nobility in the late 18th – mid 19th centuries. The author stands on the positions of the approaches of historical anthropology, the history of everyday life and gender history. The conclusions are based on the analysis of sources of personal origin and literary texts of the era. The paper touches upon the problem of discursive differences between «male» and «female» writing, but the main attention is paid to behavioral differences. It is concluded that there are pronounced differences both in value attitudes and in the behavior of men and women. This was due to the fact that much more prohibitions were imposed on women's everyday life. Moreover, the behavior of unmarried representatives of the noble class was subjected to particularly strict regulation. Unlike the young men, they were under constant control and supervision from the family and the entire noble society as a whole. This was due to the category of «honor», which also had significant gender specificity. If for a man, «honor» meant his qualities and merits, for a woman «honor» meant «chastity», that is, the ability to abstain from sexual contact outside of marriage. Numerous taboos weaken after the marriage of a noblewoman, but internal attitudes and self-control determine the stability of their behavior patterns.

Keywords: gender; honor; mentality; women's history; ego-documents; Russian empire; traditional gender order; norms; nobility; values; history of sexuality.

Изучение истории повседневности – достаточно молодое явление в исторической науке. Развитие данного направления было связано с распространением интереса к привычному, повторяющемуся, обыденному – то есть всему тому, что прежде не привлекало внимания историков и ввиду этого не становилось предметом специального научного изучения. В российской исторической науке развитие подобной проблематики стало возможно лишь в 1990-е гг. Изучение структур дворянской повседневности на материалах истории России в гендерном ключе было актуализировано Н.Л. Пушкаревой [1], А.В. Беловой [2] и др., однако проблема ценностных

установок и их влияния на повседневную жизнь российских дворян и дворянок конца XVIII – первой половины XIX в. требует отдельного изучения, ведь представления о нормах, связанных с отношениями мужчины и женщины в российской дворянской культуре, у современного человека зачастую сформированы произведениями русской классической литературы. «Мужская» классическая литература, безусловно, важна для понимания и мужской, и женской повседневности в данный период, но не менее важно изучить также и «женский» взгляд, чтобы наше представление о прошлом было более полным и комплексным.

К исследованию были привлечены как мужские, так и женские литературные произведения конца XVIII – середины XIX в., сочинения назидательного содержания (сборники моральных и этикетных правил, нравоучительная литература), а также многочисленные источники личного происхождения – опубликованные и архивные. Для обозначенной проблематики воспоминания, записки, дневники и письма являются одними из наиболее информативных источников (несмотря на то, что порой у исследователей возникают сомнения в их полной достоверности [3, с. 5–6]), ведь при изучении ценностных установок оказывается важным не столько точное и достоверное описание каких-либо фактов или событий, сколько переживания и чувства авторов, а также система ценностей и представлений, вписываемая ими в текст, как правило, произвольно.

В первую очередь стоит отметить существовавшие в конце XVIII – середине XIX в. сугубо дискурсивные различия в «мужских» и «женских» источниках. С приходом в моду сентиментализма в 1790-е гг. мужчины начинают смело выражать свои чувства, заимствуя слог из французских романов, появляется тяга к выражению разнообразных «чувствований». Женщины же по-прежнему «демонстрируют скованность, самоограничение, погружённость в себя и значительно большую приверженность традиционным устоям» [1, с. 64–65], то есть различия мужского и женского поведения охватывают не только содержательный, но и дискурсивный уровень анализируемых источников.

Ведя речь о повседневной жизни, стоящей за вышеуказанными речевыми практиками, в первую очередь следует сказать о воспитании. Российский дворянин конца XVIII – середины XIX в. ни в каком возрасте не имел недостатка в общении с лицами противоположного пола – начиная с няни и кормилицы и заканчивая крепостными всех возрастов; с точностью сказать невозможно, существовала ли в дворянских семьях сколько-нибудь жёсткая система цензурных запретов и ограничений чтения для мальчиков и, если да, то насколько повсеместной она была. А.С. Пушкин в своих «Опровержениях на критики» заявляет, что «публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик» [4, с. 342], явно подразумевая, что для данных категорий литература должна быть «пристойной» – это позволяет говорить о некой исключённости мальчиков – наряду с девочками – из доступного «взрослым» дискурса сексуальности. Однако тот же Пушкин упоминает, что в Лицее он «читал охотно Апулея, // а Цицерона не читал» [5, с. 314], что позволяет говорить об известной условности подобных запретов.

С женским же половым воспитанием дело обстояло иначе. Это находит многочисленные подтверждения в женских эго-документах: «рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов или книжки русских журналов. Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня чтения» [6]; «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочитать запрещенную книгу (романы нам не позволялись)» [7]. На основе этого можно сделать вывод, что подобного рода «гендерная цен-

зура» была общим местом в системе женского дворянского воспитания, а пушкинский образ «барышни уездной» «С печальной думаю в очах, // С французской книжкою в руках» [5, с. 250] отражает, скорее, стереотипный «мужской взгляд» на женскую повседневность, а не реальную ситуацию. Также представления «об опасности "неразборчивого" чтения для барышень» конца XVIII – первой половины XIX в. были аккумулированы в назидательной литературе, в частности – писательницей-моралисткой мадам де Жанлис, весьма популярной в России, в произведении «Гортензия, или Жертва романов и путешествий» [8], что могло дополнительно способствовать распространению представлений о вреде подобного рода «просвещения» среди самих юных представительниц дворянского сословия.

Кроме того, совершенно по-разному у дворянских юношей и барышень обстояли дела с доступом к общению с противоположным полом. По-видимому, какие-либо контакты с мужчинами, не являвшиеся родственниками девочки-дворянки, были фактически исключены либо осуществлялись под бдительным контролем и надзором со стороны «старших». В целом, женские жизненные практики регламентируются в гораздо большей степени, чем мужские – и в особенности это распространяется на незамужних представительниц российского дворянства.

По сути, дозволенным какое-либо общение с противоположным полом для дворянской девушки становилось лишь тогда, когда её официально начинали «вывозить» в свет. Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для всей её семьи [9, л. 1 об.], оно тщательно планировалось заранее [9, л. 2] и вовлекало широкий круг родственников [9, л. 2], в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе» [10, с. 208–209]. Это обусловлено тем, что подобные «вывозы в свет» служили матримониальным целям, а вступление в брак представлялось для дворянки важнейшим событием в жизни, делившим её на «до» и «после». Весьма важным событием замужество барышни было и для всей её семьи, ведь сделав «удачную партию», дочь могла улучшить материальное положение или статус родителей, вдобавок, удачное замужество девушки благотворно влияло на имидж семьи.

Причиной подобных «строгостей» в отношении незамужних представительниц дворянского сословия являлась система представлений о «честь» как одна из ключевых составляющих дворянского этоса. Она, безусловно, была связана с теми отличиями в воспитании и поведении, о которых шла речь ранее и имела существенную гендерную специфику. Так, «если этические требования, предъявляемые в дворянском сообществе мужчине, были сконцентрированы вокруг его личностных качеств, таких как смелость, правдивость, учтивость, самообладание, верность слову и т.д., то представления о «честь» женщины развивались почти исключительно вокруг её «целомудренности», следовательно, приобретали совершенно иное смысловое наполнение. Ключевое место в данном дискурсе отводилось понятиям «непорочности», «невинности», то есть «способности» женщины воздерживаться от сексуальных контактов» [11, с. 78].

Безусловно, требования сохранения невестой девственности до вступления в брак не являются специ-

фической чертой российской дворянской культуры, будучи универсальными как для всех новоевропейских обществ, так и для разных сословий царской России. В связи с этим важно подчеркнуть и специфику данных систем табу, характеризующих элитарную и народную культуры конца XVIII – середины XIX в., связанную с соответствующим размежеванием поведенческих норм в результате заимствования российским дворянством западных ценностей. Так, в крестьянской среде, где у представителей обоих полов господствовал «природный натурализм» [12, с. 57] в отношении к сексу, понятие «почестности» [13] девушки трактовалось буквально, то есть факт сохранения «невинности», девственности имел, в первую очередь, сугубо физиологический смысл (что, в частности, подтверждается символикой народной свадебной обрядности).

В дворянском же обществе концепт «девичьей чести» приобретает несколько иное, «символическое» значение, причём, если в крестьянской среде строгость запретов на добрачные связи и соответствующее поведение как юношей, так и девушек на протяжении XIX в. заметно ослабевает, то у дворянства подобные тенденции далеко не так сильны, более того, тексты конца XVIII – первой половины XIX в. демонстрируют обратный процесс: на уровне дискурсивных практик наблюдается даже некоторое ужесточение морально-нравственных норм [11, с. 78–79]. Безусловно, следует учитывать, что, возможно, подобная эволюция представлений происходила лишь «на бумаге», будучи связанной с гнѐтом государственной цензуры, особенно усилившимся как раз во второй четверти XIX в.

Можно сказать, что в контексте дворянской системы представлений о «девичьей чести» оказывался значимым не столько сам факт «прелюбодеяния», сколько обширный ряд действий девушки (или, что бывало чаще, – действий в отношении неё), устойчиво связанных в сознании представителей дворянской культуры с угрозой для «чести», «бесчестьем» и, соответственно, маркируемых как недопустимые в рамках «нормального», социально поощряемого поведения барышни [11, с. 78]. Разумеется, это не означает, что на «недозволенные» половые связи дворянки (а таковыми для незамужних «девиц» признавались любые половые связи) закрывали глаза, но высокий уровень символизма, свойственный куртуазному дворянскому обществу, приковывал внимание к иному, более эвфемистическому пониманию категорий «чести» и «бесчестия».

Подтверждением этого могут служить отношения Алексея Николаевича Вульфа и его кузины Лизы, в результате которых девушка считает себя «полностью отдавшейся» любовнику, хотя с физиологической точки зрения это не так [14]. Отчасти подобное поведение незамужней девушки следует объяснить и её полной сексуальной непросвещѐнностью, ведь, невзирая на то, что «смолоду» от неё требуют строго «блюсти себя», никого из взрослых не заботит, что она не имеет представления, от чего именно её предостерегают и что вменяют ей в обязанность (напротив, малейший доступ к информации о телесности, особенностях физиологии и сексуальном поведении и др. [11, с. 79] в процессе женского воспитания, как правило, полностью блокируется); поэтому, очевидно,

но, любой физический контакт с мужчиной, выходящий за рамки «скромных» представлений юной дворянки (а в них, очевидно, входит немного: лишь «свидания», «поцелуи» [15, с. 254]) сразу представляется ей «потерей чести» в буквальном и символическом смыслах.

Очевидно тем не менее, что приведѐнные выше «практики» для «благородной девицы» были скорее исключением, нежели правилом, ведь в процессе воспитания её поведение ставилось под максимально всесторонний контроль [11, с. 80]. К примеру, мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой по пути домой в имение своего отца по окончании института на станции «в первый раз в жизни с посторонним мужчиной разговаривала» [16], ведь институткам не только по отдельности, но даже всем классом запрещалось находиться наедине с учителем, то есть заходить в учебный класс без классной дамы, специально представленной следить за поведением и моральным обликом девиц во время уроков.

Известные послабления делались для девушки уже «просватанной», то есть официально считавшейся невестой. В таком случае её могли даже оставлять наедине с женихом (обычно же все коммуникации незамужней дворянки осуществлялись в присутствии третьих лиц), иногда даже «они целовались и делали все то, что бы она должна была делать только с мужем» [17, с. 92] – и именно поэтому последующий отказ жениться или расторжение помолвки женихом без видимых на то причин наносили существенный удар не только по чувствам девушки, но и по её репутации. Здесь важно отметить, что самостоятельно реабилитироваться в глазах общественности, равно как и повлиять каким-либо образом на ситуацию, барышня не могла. В этом случае «восстановление» её «чести» находилось в руках кого-то из её близких (разумеется, мужчин), кто определяет «тяжесть» нанесѐнного оскорбления и «нивелирует» его посредством дуэли [11, с. 80]. Характерным примером этого может случить нашумевшая в 1825 г. дуэль К.П. Чернова, защищавшего «честь» сестры, с В.Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за несогласия на брак своей матери [18].

Разумеется, от скандальных ситуаций не были ограждены и замужние дворянки, но следует отметить наличие некой специфики: демонстративное «ухаживание» за замужней, уже «отданной другому» женщиной, как правило, не являлось самоцелью (для социально одобряемых, «легитимных» практик флирта существовал строго определённый этикет, адюльтер же ни одна из сторон афишировать, безусловно, не спешила), а преследовало цель «свести счѐты» [11, с. 80] с её мужем. Следовательно, в данной ситуации женщина лишь исполняет роль некоего «средства» регулирования отношений между мужчинами, и чьѐ-либо «ненормативное» внимание к ней, не вызвавшее даже, возможно, никакой ответной реакции, влияет уже не столько на её собственную «честь», сколько на «честь» её мужа: ему в сложившейся ситуации предстоит определить «тяжесть нанесѐнной обиды» [19, с. 165] и принять решение о дуэли. В связи с этим, изучение поводов дуэлей «за честь женщины», которые, на первый взгляд, могли бы дать исключительно ценную информацию о критериях женской «чести», зачастую обращает нас к

плоскости сугубо мужских взаимоотношений, ведь обвинения в «оскорблении» женщины или, напротив, в «ношении рогов» были беспроектным способом «придраться без всякой причины» [20] и составляли «минутное дело, подтвержденное на другой день письменным вызовом» [20].

Но очевидно, что под наиболее строгие нормы сексуального поведения попадали юные дворянки – барышни, ещё не входившие в категорию «невест»: они не «вывозились» на балы, а следовательно, были лишены возможности участвовать в таких «легитимных» сексуальных практиках, как мода, танцы и флирт (являвшихся, по большому счёту, единственно доступными для женщины вне брака). Можно сказать, что у них в большинстве случаев даже не было возможности как-либо «распорядиться» своей «честью» ввиду постоянного контроля со стороны «взрослых»; их «честь» фактически «отчуждена» от их тел: её контролируют и за неё несут ответственность родственники и/или воспитатели. В этом дворянская культурная традиция имела сходство с крестьянской: в народной свадебной обрядности существовал ряд обычаев, суть которых сводилась к тому, что жених или его родня благодарили родителей невесты, если та оказывалась «честной», и, наоборот, порицали и позорили, если она оказывалась «нечестной» [13, с. 124]. То есть родители выступают в качестве неких «гарантов» и «хранителей» «чести» дочери – символической и буквальной, – и в глазах общества именно они несут за неё ответственность.

Очевидно, рассматриваемая система запретов и предписаний, направленных, в первую очередь, на контроль и нормализацию женской сексуальности, была достаточно универсальной и фактически неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, степень же следования данным требованиям могла быть неодинаковой. В частности, она могла зависеть от социальной среды, то есть конкретного повседневного окружения той или иной представительницы дворянского сословия, круга её общения, ведь нормы поведения в «большом свете» и в провинциальном дворянском кругу серьёзно отличались.

Так, в высшем свете «вновь прибывшие» молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания» [21] в свете («все кинули на неё испытующий взгляд; даже старые сановники... удостоили её мгновенным одобрительным осмотром» [17, с. 243]), и при отсутствии соответствующих навыков использование данной «привилегии» оказывалось достаточно затруднительным. К этому следует добавить по-прежнему довлевший над девушкой контроль со стороны семьи: «батюшка продолжал быть со мною строг... Если мне случалось танцевать с кем-нибудь два раза, то он жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала» [22]. Как видим, в ситуации такого жесткого «двойного контроля» возможности реализации своей сексуальности для дворянской девушки оставались также весьма ограничены, и её положение после первого «взрослого» бала существенно не изменялось.

Но в то же время нельзя забывать, что основным смыслом «вывозов» девушки в свет было её замужество, в связи с чем некоторые послабления для неё,

разумеется, делаются. Так, очевидно, нормой считался регламентированный флирт молодых людей в публичном пространстве, осуществлявшийся, в первую очередь, через танцы, бывшие всеобщей социально поощряемой формой времяпровождения дворянства, в особенности дворянской молодёжи [19, с. 91]. Для нас танцы интересны тем что, при всеобъемлющем и массовом своём распространении, они представляют собой единственную в своём роде «легитимную» практику близкого тактильного контакта между мужчиной и женщиной: «молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот вальс!» [23]. Очевидно, танцы, а особенно столь критикуемый за свою сексуальность вальс, были очень важной составляющей сексуального поведения российской дворянки, являя собой некую «компенсацию» полной непросвещённости и барышни. Исходя из источников, вальс являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи, и ждали его всегда с нетерпением [24, л. 2].

Очевидно, не меньшую свободу для «приватного» общения в рамках публичных «веселостей» давали и следующие практики: «Зоя сидела возле Веры Яковлевны, князь стоял за нею, прислонясь к колонне... Они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шалях» [25]; «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на неё, маменька самодовольно поправляла свой чепец» [21]. Известная «вольность» подобного общения молодых людей при этом нивелировалась контролем, осуществлявшимся социумом («цензорами в чепцах и шалях») через два основных механизма: общепринятые правила светского поведения и общественное мнение.

Однако даже легитимизированные подобным образом практики флирта, вовлекающие девушку-дворянку, могли восприниматься по-разному её семьёй. Ключевым фактором дозволения или запрета «флирта» становилась «приемлемость» того или иного мужчины в качестве жениха, ведь расширение границ дозволенного в отношениях молодых людей становилось возможно лишь после помолвки, когда они официально получали статус отношений жениха и невесты (что для девушки могло быть возможно только с мужчиной, представляющим «блестящую партию» и потому «способным сделать её счастие» [26, с. 93] – по мнению семьи, разумеется).

Если же брак оказывался невозможным или нежелательным, молодым людям, которые всё равно виделись на светских мероприятиях, не позволяли общаться и танцевать вместе: «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нём» [25]; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала <...> князь не выдержал; он завладел Зоею в глазах советника и... увел её на другой конец залы. И как

он был нежен, как был любезен во всю мазурку! Как много говорили глаза его! Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Юноны» [25].

Таким образом, для дворянской девушки флирт, подчинённый матримониальным соображениям часто имел мало общего с любовными переживаниями, как и сам брак, по-прежнему заключающийся по экономическим и социальным мотивам. Причём подобный разрыв между понятиями любви и брака у женщины имел место практически всегда, а браки «по склонности», как правило, были возможны только при так называемом «умыкании» невесты.

Так или иначе, спустя некоторое время после выхода в свет дворянская девушка выдаётся замуж. Формально это событие лишь меняло источник власти, довлевшей над ней, однако в действительности, как уже упоминалось, вступление в брак давало ей ряд значимых преимуществ перед незамужними представительницами дворянского сословия. В первую очередь, она получает доступ к более обширной информации сексуального характера, которая была для неё под запретом до этих пор – в значительной мере за счёт личного сексуального опыта. Не менее важно, что она, наконец, выходит «из-под прицела родителей и прочих блюстителей нравов» [1, с. 280] – тех лиц, которые были заинтересованы в сохранении ею морального облика и потому всячески ограничивали её – как на уровне цензуры, так и на уровне практик.

Разумеется, отныне таким, лично заинтересованным в «чести» дворянки лицом становится её муж, однако, если речь идёт о «светской» супружеской паре, молодой женщине не только было позволено, но и желательно вести светскую жизнь, что предполагает известную долю свободы и самостоятельности от мужа. В высшем обществе была принята некая «игривость», своего рода «лёгкий флирт», осуществляемый всеми женщинами и всеми мужчинами по отношению друг к другу. Такой «светский» флирт считался не только допустимым: он был признаком хорошего тона, но, разумеется, в чётко очерченных рамках, ограниченных для обоих полов. Так, более опытная губернаторша между делом замечает Николаю Ростову, что он «слишком» ухаживает за «за той, за белокурой» для человека, который собирается жениться на княжне Болконской [27].

Итак, ценностные установки в российском дворянском обществе были совершенно различны для женщины и мужчины – они как бы осмысливаются в разных категориях, в разных плоскостях. Это определяло разницу в воспитании и границах «дозволенного», которые для мужчины были значительно шире, чем для женщины. Это формировало у них, соответственно, две различные модели поведения. Особенно жёсткому контролю и надзору подвергались незамужние представительницы дворянского сословия. Совершенно иначе, чем у дворянских юношей, у них обстояли дела с доступом к информации о межполовом общении и, собственно, к общению с противоположным полом. Это было связано с категорией «чести», также имевшей существенную гендерную специфику. Если для мужчины «честь» – это его качества и заслуги (иногда, возможно, и любовные победы, донжуанство в кругу друзей, но ни в одном

из нравоучительных сборников понятие мужской чести не трактовалось как тема верности избраннице, скорее, наоборот), а для женщины «честь» подразумевала под собой умение контролировать собственную сексуальность, соблюдая «целомудрие» до брака и верность супругу в браке. При этом, система запретов и ограничений, безусловно, распространялась и на мужчин (одним из важнейших «регуляторов» их нормативного поведения служил институт дуэли), однако, если для мужчины модель социально одобряемого поведения была неизменной на протяжении жизни, то для женщины ключевым событием, менявшим не только её социальный статус, но и границы дозволенного было вступление в брак. После сватовства, а затем замужества всесторонний контроль за поведением дворянки ослабевал, однако ценностные установки, оставаясь неизменными, определяли жёсткую систему внутренних запретов и самоограничений.

Список литературы:

1. Пушкирева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2012. 203 с.
2. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с.
3. Кошелев А.В. «Я пишу без всякого порядка...» (А.О. Смирнова-Россет и её воспоминания) // Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. СПб., 2011. С. 5–24.
4. Пушкин А.С. Опровержение на критики и замечания на собственные сочинения // Собрание сочинений в 10 т. Т. 6 / под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксман. М., 1962. С. 342.
5. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения. М.: Худож. лит., 1986. С. 186–354.
6. Воспоминания детства // С.В. Ковалевская. Воспоминания. Повести / отв. ред. П.Я. Кочина. М.: Наука, 1974. С. 9–89.
7. Стерлигова А.В. Воспоминания Анны Владимировны Стерлиговой о С.-Петербургском Екатерининском институте. М.: Унив. тип., 1898. 57 с.
8. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки и их роль в формировании усадебной культуры // «Недаром помнит вся Россия...»: мат.-лы всерос. науч. конф., посв. 160-летию В.В. Верещагина и 190-летию Бородинского сражения. 25–26 октября 2002 г., г. Череповец. Череповец: Изд-во Череповецкого государственного университета, 2003. С. 235–246.
9. Письмо Волконской С.Н. к Бахметевой А.П. от 1832, на франц. яз. // Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204.
10. Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / сост. Н.П. Утехина. М.: Правда, 1990. С. 194–262.
11. Лисицына О.И., Пушкирева Н.Л. Представления о женской чести в российской дворянской культуре (конец XVIII – начало XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 76–89.
12. Кон И.С. Сексуальная культура в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Время, 2010. 606 с.
13. Пушкирева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120–134.
14. Вульф А.Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. / с предисл. и примеч. М.Л. Гофмана. Петроград: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. 340 с.

15. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1986. С. 229–328.

16. Водовозова Е.Н. На заре жизни: Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1964. 581 с.

17. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. Т. 1, вып. 2 (18-й век). СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1910. 951 с.

18. Гордин Я.А. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2002. 284 с.

19. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд. СПб.: Искусство-СПб, 2008. 412 с.

20. Волконский С.Г. Записки. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 508 с.

21. Ган Е.А. Идеал // Сочинения Зенеиды Р-вой. Т. 1. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. С. 1–110.

22. Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / сост. А.М. Гордина. М.: Сов. Россия, 1987. С. 354–371.

23. Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 95.

24. Письмо Е. Строгановой к С. Бобринской от 1821, на франц. яз. // ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257.

25. Гейнце Н., Жукова М. Под гнетом страсти. Дача на Петергофской дороге. М.: Панорама, 1994. 384 с.

26. Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Сочинения. В 3 т. Т. 3. Проза. М.: Худож. лит., 1986. С. 85–100.

27. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: АСТ: Олимп, 1996. 683 с.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Лисицына Ольга Игоревна , кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории; Тверской государственный университет (г. Тверь, Российская Федерация). E-mail: olglisitsyna@yandex.ru.	Lisitsyna Olga Igorevna , candidate of historical sciences, associate professor of Universal History Department; Tver State University (Tver, Russian Federation). E-mail: olglisitsyna@yandex.ru.

Для цитирования:

Лисицына О.И. Ценностные установки российского дворянства конца XVIII – середины XIX века: гендерный аспект // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 225–230. DOI: 10.55355/snv2022111211.